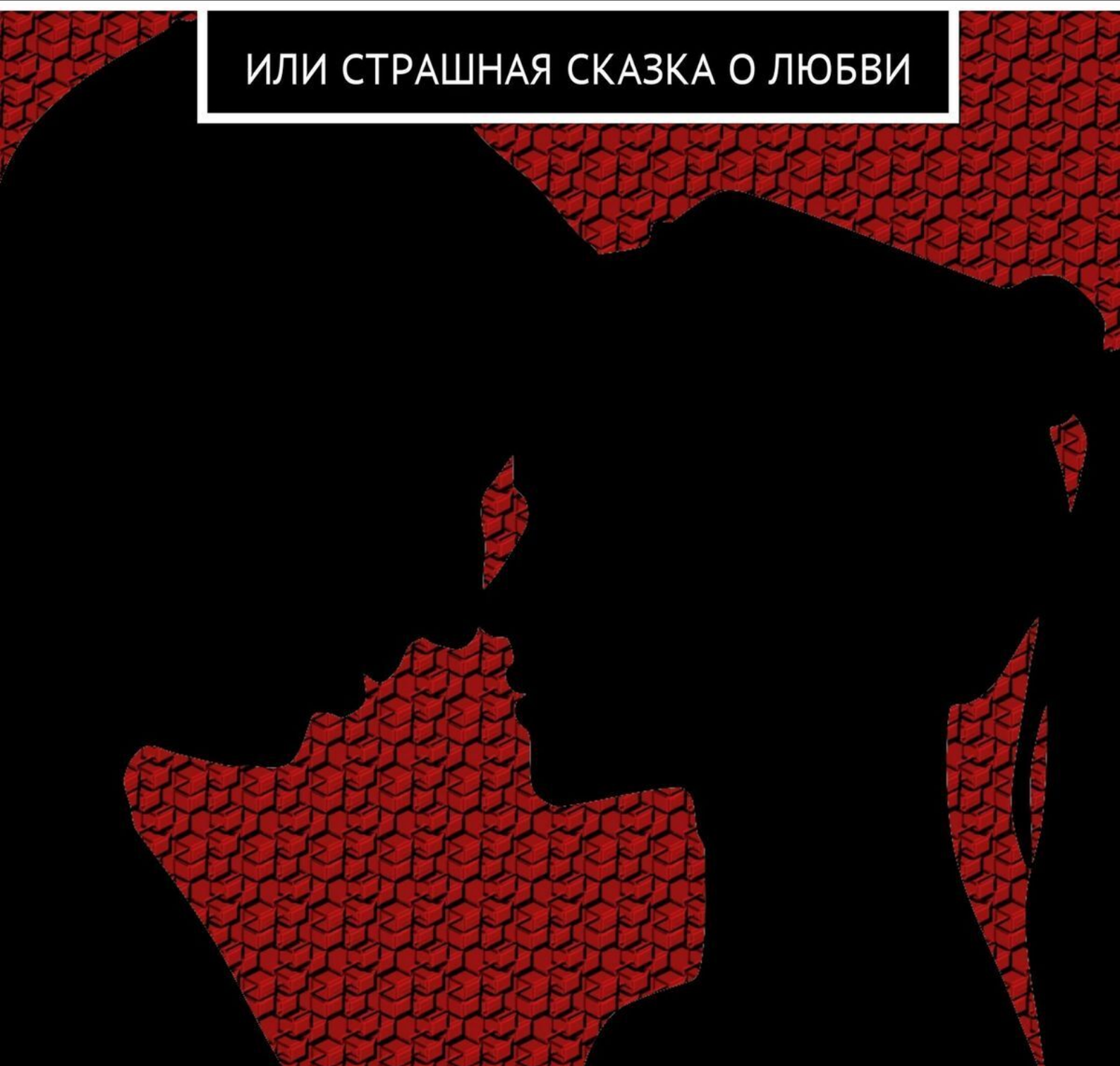

ЕЛЕНА ЗЕЛЕЙНАЯ

Крест

ИЛИ СТРАШНАЯ СКАЗКА О ЛЮБВИ

Елена Зелейная

**Крест. Или страшная
сказка о любви**

«Издательские решения»

Зелейная Е.

Крест. Или страшная сказка о любви / Е. Зелейная —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854408-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Некоторые девушки словно не созданы для спокойной жизни. Так и Ксения: совершенно случайно и сама того не желая, она создает себе неразрешимую проблему — влюбляется в самого неподходящего человека. Нет, её избранник молод, успешен и свободен. Казалось бы, чего ещё желать? Беда в том, что он совсем не тот, кем кажется. Да и у самой Ксении есть в шкафу парочка скелетов. Эта история, нежная и острая, красивая и непристойная, найдет отклик в сердцах многих читателей современной прозы.

ISBN 978-5-44-854408-8

© Зелейная Е.
© Издательские решения

Крест

Или страшная сказка о любви

Елена Зелейная

Иллюстратор Елена Владимировна Чучайкина

© Елена Зелейная, 2017

© Елена Владимировна Чучайкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4408-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Саш, может, домой? – Юра участливо похлопал друга по плечу

– Не могу.

Саша смотрел пустым взглядом в глубину рюмки, словно там прятались ответы на все вопросы бытия.

Он осунулся от горя, щеки запали, а глаза, напротив, заняли свободное место на лице, нижние веки оттянулись черными кругами. Он давно не брился.

– Юр, прости, я тебе, наверное, уже надоел...

– Да иди ты... Какое там надоел...

– ... но я не могу, – с бессильными, едва сдерживаемыми слезами в голосе пробормотал Саша.

Он дернул рыжим, в завитушках, запястьем, вскидывая рюмку, глотая водку, как воду. Даже не поморщившись.

– Юр, она такая страшная, безжизненная, и она там, дома... Я ее боюсь, – по-детски добавил он, скосив глаза на друга.

Юрий, тридцатилетний инженер, вовсе не был суеверен, но тут рука сама потянулась перекреститься. Опомнившись, он поспешно сцепил пальцы в замок.

– Санек, у тебя... галлюцинации? – спросил он, тщательно выдерживая мягкую, нейтральную интонацию.

Саша тоскливо усмехнулся:

– Да нет, скажешь тоже. Ее-то, бедняжку, чего бояться. Она уже отмучилась. Веришь: я мог бы на одной кровати с ней спать. Обнимать, только бы она не уходила...

Его лицо болезненно напряглось, всеми оставшимися невеликими силами он сдерживал себя, чтобы не забиться в банальной истерике.

– Но я же мент. Я знаю, что сейчас она валяется на полке в морге вперемежку с другими голыми телами.

– Саш... ну не надо... ну зачем об этом думать... – беспомощно попросил Юра, старательно разглядывая ворсистые коричневые квадратики на тапочках.

– Да я и не думаю. Просто, понимаешь... Нам не досталось даже последнего утешения. Мы не сможем запомнить ее прибранной и накрашенной в гробу, в нарядных кружевах, со свечкой в руках... Или свечка не нужна? – спросил он. Юра недоуменно пожал плечами, он не поспевал за ходом мыслей своего друга, который перескакивал с темы на тему с бессвязностью горячего бреда. – Я по долгу службы не могу не знать... я же видел протокол вскрытия. А она была... на месте преступления. И на опознании. Я сам не смог, – горько уточнил он, признавая свою слабость.

Саша протянул рюмку, и Юра нехотя наполнил ее. Ненавязчиво пододвинутую банку со шпротами Саша просто не заметил.

– Юр, она такая... такая... – повторил он, снова и снова переживая самое ужасное: даже не саму смерть, но безразличное отношение к ней. Два самых родных человека. Один умер в страшных муках, второму – наплевать, лишь бы соблюсти традиции, лишь бы все было пристойно.

– Я ее боюсь. – Он помолчал, перебирая в памяти жуткие, безнадежные, бесконечные минуты и не находя себе утешения ни в одной из них.

– Она спокойна. Понимаешь, совершенно спокойна. Женщины должны плакать. Юрка, почему она не плачет? Как будто ее это не касается. Она побывала на опознании, вернулась домой и легла спать! А теперь она невозмутимо занимается организацией похорон!

– Ну, кто-то же должен этим заниматься, – заметил Юра, старательно пряча упрек. На левой тапочке восемь квадратиков. А на правой?

– Да не так же! – протестуяще выкрикнул Саша, начисто забывая, что за тонкой стенкой спит Юркина жена. – Ну как можно быть настолько бесчувственной? Люди кошку хоронят – и то больше переживают. А она... – он махнул рукой, отворачиваясь, – оформляет документы, выбирает место на кладбище, – Саша замолчал, задохнувшись, представив себе маленький холмик голой земли в цветах. – Ненавижу! Ну как же так можно?

По щеке покатилась слеза и затерялась в отросшей щетине.

– Юр, я не могу идти домой, к ней, – просительно сказал он. – Она такая холодная...

– Да ладно, оставайся, – на правой тапочке квадратиков было одиннадцать. Китай, он такой Китай. – Место есть, а пару простыней найдем как-нибудь.

Как там она в пустой квартире, с мимолетным состраданием подумал он, вынимая из шкафа постельное белье.

День клонится к закату.

На душе мирный покой, созвучный теплему воздуху заканчивающейся весны. Все дела закончены, а свободного времени еще сколько угодно. Можно прогуляться пешком по проспекту.

Через час-другой аллея заполнится парочками всех возрастов, компаниями молодежи, стайками детей с мелками, роликами и планшетами. Сейчас проспект похож на мост, выступающий из моря городской суеты. Слева и справа несутся машины, автобусы выливают из своих дверей толпы людей и они разбегаются, как муравьи – кто сворачивает на боковые улочки, кто ныряет в приветливо распахнутые двери магазинов и офисов. Автобус поглощает новую порцию пассажиров и с довольным урчанием увозит их куда-то дальше.

Кажется, звуковые волны этой бурной деятельности городского организма разбиваются, словно прибой, не захлестывают мост-аллею, отсекаемые ажурным кованым забором и газоном со скамьями и цветущими яблонями.

Краем глаза Ксения замечала деловитое мельтешение, но не соприкасалась с ним, оставалась вонне, сама по себе.

Стройная девушка среднего роста, в голубых джинсах и рубашке, сумка с бахромой через плечо. Белые кроссовки мягко пружинят, отсчитывая шаги. От природы загорелое лицо с легким азиатским флером обрамляют совершенно черные волосы. Они струятся почти до талии, Ксения чувствует, как легкий ветерок игриво перебирает пряди. Глаза – неожиданно зеленые, а не карие – улыбаются кривым хрупким яблоням. От этого морщинка, состарившая переносицу тем темным зимним утром, почти незаметна.

Ксения идет домой, наслаждаясь прогулкой, впервые за долгое время не думая о том, что дома ее ждет серое одиночество и острые осколки разбитой семьи.

Яблони также улыбаются, асфальт послушно стелется под ногами...

А Ксения внезапно ощутила давно забытую, но оттого не менее острую тревогу.

Она никак не могла понять, откуда взялось щемящее, противно-неуловимое чувство опасности. Что-то отчаянно скреблось на дне памяти, пытаясь выбраться наружу. Что-то, давно преданное забвению, за ненадобностью. Какой-то безусловный рефлекс, побуждающий ее оглянуться в поисках открытого пространства... Едва осознаваемая мысль о стихийных бедствиях...

Вокруг сплошь высотные дома... она помнила, что высотки – это плохо. Очень плохо. Они рушатся первыми.

Беспрекословное правило: если под ногами дрожит земля – беги. Беги на открытое место. Город лежит в долине, вокруг горы. И ненадежные пятиэтажки.

Беги!

Но... здесь-то куда бежать? И от чего?

Ксения родилась в одной из южных советских республик. Дитя восьмидесятых, она недолго прожила в той стране.

Уже в следующее десятилетие огромный, грозный спрут судорожно втягивал щупальца в пределы своих границ, подло бросив своих подданных на произвол попранной национальной гордости местного населения.

Это было страшно.

Ксения помнила это иначе – она была маленькой. Перестрелка на площади, безлюдные улицы, перевернутая машина скорой помощи, забаррикадированный двор, уходящий «на ночное дежурство» отец... вооружались, кто как мог: у отца была ножка табуретки с гвоздем на конце. Круглосуточный пост на крыше – мальчишки с «коктейлем Молотова» под рукой.

Им, детсадовцам, все было нипочем. Их не пугал вид входной двери, подпертой кухонным столом. Днем они играли в комендантский час и с интересом задирали головенки, любуясь низко летящим вертолетом. Просто никто не говорил им, что в их жаркой горной республике идет гражданская война. Слава Богу, никому из взрослых даже в голову не пришло объяснять своим детям, что девочка, которая всю твою жизнь (целых шесть лет) была твоей лучшей подругой – отныне твой враг. Они продолжали играть вместе: русские, татары, таджики и поволжский немец Андрюша.

Если бы кто-то вздумал расспрашивать Ксению, возможно, она припомнила бы тихий ночной разговор родителей: в крайнем случае можно «договориться» с проводницей любого поезда, идущего в Крым, и отправить детей к тетке, а сами как-нибудь... не зарежут же, в конце-то концов (еще как резали, но это стало известно много позже). В те смутные времена никто и представить не мог, что совсем скоро Крым тоже станет зарубежьем.

Однако обошлось. Семье удалось выбраться. И даже без особых потерь.

И все забылось.

А рефлексy рожденного в горах человека остались.

Земля под ногами предательски ползла, тело командовало – беги, а цивилизованный мозг в оставшиеся немногие секунды задался праздным вопросом: а что, собственно, происходит?

Совсем рядом и немного в стороне, на развороченной клумбе возились рабочие. Ремонтировали какие-то трубы. Что пошло не по плану, Ксения так никогда не узнала. Возможно, в грунте была полость и рабочие ее потревожили.

Асфальт под ней раскрошился, и она, не успев ничего сообразить, рухнула в месиво глины, камешков и грязной воды.

Какое-то время самого времени не существует.

Она спала, просыпалась, снова засыпала... Просыпаясь, видела белый потолок и синие-белые стены, только и всего. Впрочем, какие-то детали просачивались сквозь ватное безразличие. Например, трубка, ползущая по стене прямо к ее кровати, и снабженная мимолетно тревожной надписью «кислород».

Белые одежды на безликих женщинах. Просьба-приказ съесть еще ложечку. Смена пакетов и банок на металлической вешалке.

Зачем капельница, почему она тут: ничего из происходящего ее не волновало, разве что отголоски приглушенной лекарствами боли. Но и она не была достаточно острой и близкой, чтобы растормошить сознание. Ксении смутно казалось, что она воспринимает чьи-то чужие, ослабленные расстоянием страдания. Все происходящее – даже невозможность и нежелание двигаться – было нереально, как бы не касалось ее. Она только знала, что время от времени ей делают укол, от которого она будет спать. Она жила от укола до укола и больше ни о чем не думала.

Так продолжалось, пока одним прекрасным утром она не проснулась по-настоящему, с ясной головой. Ну, возможно, ясность была довольно условная, голова болела, взгляд рассеянно перемещался, не сосредотачиваясь на предметах. Однако тяжелое облако, подушкой душившее умственную деятельность все это время (а сколько, кстати?) посветлело, поредело, превратилось в нестойкую дымку, и мысли вяло заворачивались, зашевелились, радуясь свету, пришедшему на смену бессмысленной, серой мути. Разум неуверенно пытался вернуться к привычному рабочему ритму, словно мускул, потерявший силу и навык в период вынужденного покоя.

Ксения неторопливо, без любопытства осматривалась. Она почти сразу поняла, что находится в больнице. На тумбочке у изголовья – больничный завтрак.

Наверное, в тот момент, когда его принесли, она и начала выбираться из тумана, просыпаться. Ксения скорчила овсянке кислую физиономию и тут же забыла о ней: есть совершенно не хотелось, да и один вид серой, наверняка несоленой, размазни вызывал легкую тошноту.

Небольшая палата рассчитана на троих, но сейчас тут больше никого нет. Две соседние койки стоят вдоль стены, стыдливо прикрывая полосатыми одеялами отсутствие белья.

Однако, как она тут оказалась, оставалось загадкой. Может, я окончательно свихнулась и это психушка, нехотя, через силу, размышляла она. Тогда понятно, зачем меня глушили лекарствами. Может, я буйная. Хотя, вроде бы, это мне не свойственно.

На стене на расстоянии вытянутой руки помещалась кнопка вызова, но ей Ксения уделила столь же мало внимания, как и неаппетитной серенькой кашнице в тарелке. Нет необходимости беспокоить медсестру. Время завтрака для пациентов – напряженное время для персонала. Пересменки, пятиминутки, подготовка к обходу, да мало ли... Рано или поздно кто-нибудь все равно придет и все ей объяснит.

Ксения оказалась права, совсем скоро к ней в палату пришли.

Да не «кто-нибудь», а целая делегация.

Все тот же белый халат. Но – властное выражение лица и... свита... Да, по-другому не скажешь. Свита из белоснежных молодых людей обоего пола, почтительно держащихся позади.

Мужчина.

Несомненно, он тут главный. Средних лет, темные волосы, бритое лицо, светлые глаза. Оттенки не рассмотреть, поскольку его взгляда удостоилась не Ксения, а неубранная овсянка. Ну, ясно, достанется кому-то на орехи. К приходу Самого пациента и палаты должны быть вылизаны начисто, а тут, не угодно ли, обедки какие-то.

Доктор дернул бровью, только этим едва заметным движением выражая неудовольствие, а затем отрешенно уставился на макушки яблонь за окном. Везде понасажали эти яблони, вместо вырубленных постаревших тополей, весь город в кружевах...

Сопровождающие поглядывали на Ксению вскользь, без особого интереса, словно она не человек, а надоевший учебный макет. Точно, да это же студенты, догадалась она.

Доктор произнес несколько фраз, смысла которых она совершенно не поняла – сплошная латынь. «Орден „белое братство“, и даже с тайным языком,» – сыронизировала она мысленно.

Впрочем, едва проступившее раздражение тут же заглохло. Ее вниманием завладела его очень необычная, своеобразная манера речи.

Говорил он безразлично, негромко, ровно так, как необходимо, чтобы не перейти на шепот. Казалось, собственные мысли занимают его гораздо больше, чем происходящее вокруг. При этом впечатления, что человек просто неразборчиво бормочет себе под нос, не создавалось. Отсутствие эмоций с лихвой компенсировалось богатым, подвижным тембром. Ясный, открытый, с четкой артикуляцией голос далеко разносил каждое слово.

Мать Ксении всю жизнь проработала музыкальным педагогом. Умная женщина не заставляла дочь любить музыку из-под палки, как это часто случается в «приличных» семьях, однако ее профессия все же не могла не отразиться на жизни ребенка. Знания усваивались, впитывались сами собой, между делом.

Поэтому сейчас Ксения без труда классифицировала голос – тенор. Но не легкий, звонкий лирический, а драматический: на грани с баритоном, насыщенный металлом и... вибрацией. Его голос был подобен паровому котлу корабля на полном ходу: так титанические силы,двигающие вперед стальную машину, внешне проявляются лишь легкой дрожью в машинном отделении.

Ксения бы ничуть не возражала, если бы он прямо здесь и сейчас прочитал целую лекцию, так и быть, пусть смотрят как на манекен, только бы слушать и слушать.

С таким сильным голосом нет нужды напрягать связки, окружающие и без того услышат все, что он посчитает нужным довести до их сведения. Особенно такие сосредоточенные, как его подопечные.

А до нее самой, похоже, никакой информации никто доводить не собирается. И совершенно ясно, что задавать вопросы сейчас совсем не время. Ну и черт с ними, с этим можно и повременить. В конце концов, от ее информированности ничего не зависит.

Ксения отвела глаза, отгораживаясь от равнодушных врачей, и потому не заметила, что, прежде чем покинуть палату, доктор на секунду обернулся, отмечая, что блуждающий бессмысленный взгляд пациентки стал внимательным и сосредоточенным. Хотя она и не выказывала интереса к присутствующим, сознание несомненно прояснилось. Он знал, что так и должно быть, но проконтролировать лично никогда не помешает.

А крепкая девчонка, кстати. Ведь только очнулась, наверняка ей плохо и ни черта не понятно. Самое время панически цепляться за ближайший белый халат и требовать объяснений и участия. Ан, нет, глазки в потолок и помалкивает. Чувствует ситуацию и проявляет выдержку. Молодец. С этой, кажется, проблем не будет, мысленно отметил доктор, переходя в следующую палату.

Вскоре какая-то личность в цветастом халате прошмыгнула в дверь и молча подхватила злосчастную тарелку. Ага, похоже, возмездие тут не дремлет, виновные в беспорядке уже получили по загривку.

Через какое-то время пришла медсестра с неизменной капельницей.

– Здравствуйте. А уколов сегодня не будет?

– Здравствуйте, – лица почти не было видно под медицинской маской, но в интонациях чувствовалась улыбка. – Нет, уколов больше не будет. А для обезболивания Вам таблетки назначены. Потерпите немного? А позже к Вам доктор зайдет.

– Потерплю.

Обещанный доктор оказался молодым человеком в очках и с добрым лицом.

– Ну, как Вы тут? – весело осведомился он, раскрывая в руках картонную папку, наверное, историю болезни.

– Меня больше интересует не «как», а «где». Это психиатрическая больница? – прямо спросила Ксения.

– С чего вдруг? – удивленно возрился на нее доктор. – Нет, мы тут душевными травмами не занимаемся, исключительно телесными. А что, есть основания для беспокойства? – как бы между прочим уточнил он.

– Тогда я не совсем понимаю, что происходит, – неуверенно пробормотала Ксения. – Я даже точно не знаю, сколько я здесь нахожусь. – Она хотела спросить, отчего она почти все время спала и не воспринимала окружающий мир, но, уже набрав в грудь воздуха, вдруг споткнулась. На ум ей пришел более важный вопрос.

– И почему, собственно, я здесь?

– Не помните? Это бывает. Ничего страшного.

– Там, на проспекте?

– По правде сказать, я не знаю, – пожал плечами доктор. Ксения кивнула, соглашаясь: действительно, медику ни к чему эти ненужные подробности. – Вероятно, да.

На самом деле молодой доктор был куда сострадательнее, чем старался казаться. Он понимал, что должна чувствовать эта девушка: очнулась и обнаружила себя в больнице, с травмами, с целым ассортиментом болей. А рядом никого из близких. Никто ее не утешал, никто о ней не беспокоился. Обычная врачебная этика, предписывающая холодноватую корректность, в таких обстоятельствах должна казаться ей черствым равнодушием. Словно она просто штампованная деталь, попавшая на ленту конвейера. Осмотрели – записали – укололи. Доктор не мог облегчить ее положение, но проявить немного человечности было вполне в его силах:

– Думаю, да, если проспект – последнее, что Вы помните. Таковы особенности человеческой памяти. Мозгу нужно примерно двадцать минут, чтобы решить, надо ли запоминать информацию. Если она важная, он переводит ее из кратковременного хранилища в долговременное. Вроде компьютера. А Ваш мозг вынужденно выключился и информация не сохранилась. Не переживайте, это нормально. Так уж мы устроены, – мягко завершил он свой краткий экскурс в дебри нейробиологии.

– А что было потом? Кома? – предположила она. – Вроде нет, не так глубоко я проваливалась.

Врач отрицательно качнул головой – нет, не кома.

– Седативные средства. То есть успокоительное. Все-таки черепно-мозговая травма, сами понимаете, не шутки. К тому же, так было проще: Вы не дергались, не травмировали себя еще больше и легче переносили свое состояние, но были достаточно в сознании, чтобы выполнять команды. Больше этого не требуется.

– И что теперь? Я имею в виду, что теперь с моими мозгами? Я действительно плохо соображаю, но надеюсь, это от лекарств? Это ведь пройдет?

Доктор едва заметно дернул уголком рта, снисходительно усмехаясь столь дилетантской формулировке.

– Невролог утверждает, что с мозгами у Вас все должно быть в порядке. Структурных нарушений мозгового вещества не обнаружено, трещин нет, серьезных нарушений функций мозга не выявлено. Симптомы сотрясения мозга постепенно пройдут. Головные боли – обычное дело при костно-черепной деформации.

Ксения растерянно слушала эту абракадабру, не решаясь вставить хоть слово. Чтобы поддерживать диалог или задавать уточняющие вопросы, нужно хоть немного понимать собеседника. А собеседник сыплет терминами, не заботясь, как измотанный и пришибленный ум

Ксении будет их расшифровывать. Очередной последователь тайного учения... Она не догадывалась, что молодой специалист все-таки старается говорить доступным языком, только после многих лет, проведенных в университетских стенах, ему еще не хватает опыта в качестве переводчика – с медицинского на бытовой. Стараясь описать картину поточнее, он невольно соскальзывал на родной диалект.

Доктор заглянул в свою папку и продолжил:

– На среду у Вас назначена операция, после нее еще несколько дней постельного режима, а там уж и домой можно собираться.

– Какая операция? – испуганно переспросила она. – Не хочу я никаких операций.

– Никто не хочет, но надо, – строго ответил доктор. – У Вас сломана рука, а переломы со смещением сами собой не проходят. Срастется неправильно – как будете рукой пользоваться? Нужно ставить металлический штифт. Плюс у Вас травмы позвоночника. Необходимо стабилизировать позвонки поясничного отдела, для этого установим... как бы объяснить... – он шелкнул пальцами, подыскивая слова попроще, – ну, скажем, каркас. На винтах.

– На каких еще винтах! – воскликнула Ксения срывающимся голосом. Она совсем упала духом от пугающих новостей.

– Титановых, – ответил молодой доктор точно на заданный вопрос. – Металл это легкий, прочный, немагнитный и нетоксичный, никаких побочных эффектов не дает, так что скоро вообще забудете, что он у Вас есть, если, конечно, будете следовать рекомендациям. Травмы у Вас значительные, но прогноз неплохой. Никаких осложнений пока не предвидится, лицо тоже не слишком пострадало.

– Не слишком – это как? – Ксения встревоженно вскинула руку к лицу. Только сейчас она заметила пластырь на щеке.

– А вот снимем повязку и увидим. Вы ж все-таки по асфальту проехали, может, на камушек напоролась, на скуле была рваная рана. Но мы ее ушили аккуратненько, дальше будете использовать специальные крема и мази для рассасывания рубцов. Так что Вашу красоту сохраним, – улыбнулся вчерашний интерн. – Ну, может, легкий след останется.

Он взглянул в лицо больной, увидел влажные затравленные глаза и, сжавшись, добавил:

– Не волнуйтесь Вы, это не так страшно, как кажется. Удивительно, что Вы обошлись без переломов костей таза. Вот тогда несколько месяцев костылей и нянька были бы Вам обеспечены. А так мы поставим Вас на ноги за очень короткий срок. Не унывайте, – подбодрил он уже с порога.

Некоторое время Ксения лежала, глядя в потолок. Последние слова доктора – о том, что могло быть и хуже, не очень-то ее утешали. Могло бы и вообще не быть. Она думала о том, сколько еще ей предстоит вытерпеть и как жить потом, после больницы. Было страшно, тоскливо и одиноко. Однако она не жалела об отсутствии соседей, сейчас это было очень кстати. Она не заметила, сколько времени провела, разглядывая на потолке полосы небрежно нанесенной штукатурки, поглощенная своими невеселыми мыслями. Наверное, довольно много, потому что время обеда наступило незаметно.

– А чего Вы в тишине-то лежите? У Вас вон телевизор же есть, – выставя на тумбочку тарелки и стакан компота, спросила пожилая, но все еще миловидная женщина. Она кивнула в сторону. Ксения проследила ее движение и действительно увидела небольшую плазму на стене.

– Здорово тут у вас болеть, – улыбнулась она.

– Еще бы, – с гордостью ответила санитарка. – А хотите, так попросите потом, чтобы Вам книжки принесли. У нас чуть ли не форменная библиотека есть. И интернет имеется. Михаил Афанасьевич со своим отделением, как с родным дитем, носится.

– Это кто?

– А не видали еще? Обычно он тяжелых всегда лично проверяет, хоть и лечащий врач есть. Очень ответственный человек, – с подлинным уважением добавила женщина. – Ученый, между прочим, и преподаватель. У нас ведь клиническая больница, с кафедрой, то есть, – малопонятно пояснила она.

Надо полагать, ей повезло, если вообще можно так выразиться в подобной ситуации: мало того, что в больнице, так еще и в категории тяжелых. Во всяком случае, попала в хорошие руки. Ну, хоть что-то радует. Раз преподаватель, тогда, наверное, это тот самый, с голосом.

Упоминание о благах для пациентов заставило ее вспомнить еще кое о чем.

– А скажите, пожалуйста, мои вещи где-нибудь хранятся?

– Да вон же, в тумбочке все. Что Вам достать?

– Я хотела посмотреть, жив ли мой телефон.

Санитарка проворно перерыла ее вещи и достала мобильник. Он был совершенно цел, но не включался. По просьбе Ксении она выудила из порванной сумки зарядку и воткнула ее в розетку, сама Ксения не смогла бы дотянуться. Выслушав благодарность, она ушла. У нее было еще много дел.

Подождав несколько минут, Ксения зажала боковую кнопку и с радостью увидела заставку на экране. Все-таки живой. И невредимый, в отличие от хозяйки. Какой-то тонкий юмор судьбы.

Она листала записи в телефонной книге, не зная, кого выбрать. Родителей точно не надо. Они живут в другом городе. Конечно, мать с отцом сразу примчатся, но ей этого не хотелось. Ей требовалась только небольшая помощь, а не встревоженная, хватающаяся за сердце сиделка. А попусту беспокоить их незачем.

Саша... Нет, к нему она тоже обращаться не будет. Кто она ему сейчас... Конечно, чувство долга не позволит ему уклониться от маленькой просьбы, только его холодное, чужое лицо принесет еще больше боли, чем какая-то там деформация, о которой толковал доктор.

Остается, пожалуй, Марина.

Ксения ткнула пальцем имя на экране и принялась слушать гудки. Наконец, Марина взяла трубку.

– Привет, дорогуша, ты куда пропала-то? Я тебе позавчера звонила, а абонент – не абонент. Хотела уж заехать к тебе сегодня, провести, цела ли ты вообще.

– Цела, Марин, хотя и не знаю, каким чудом. По всему выходит, что не должна бы. Правда, цела довольно относительно... И заехать ко мне тебе тоже все-таки придется. Сначала в больницу, за ключами, потом домой за вещами и документами, а потом обратно в больницу. Извини, что приходится так тебя напрягать.

На том конце повисла настороженная пауза. На подругу это было не слишком похоже. Ксения знала, что это не проблемы со связью, потому что слышала, как в динамике шуршит дыхание Марины. Намолчавшись вдоволь, та, наконец, осторожненько спросила:

– Ксюш... ты что, что-то сделала...

Ксения сначала не поняла, что такого она могла сделать, но уточнить не успела, потому что подруга также неуверенно закончила:

– ... с собой?

– Да ты спятила, что ли, совсем? – возмущенно выкрикнула Ксения.

Несколько месяцев назад мама с такой же опаской, словно ступая по тонкому льду, предлагала ей приехать пожить к ним с отцом. Но то мама, ей положено квохтать и оберегать единственное дитя от любой, даже выдуманной, беды. А то подруга детства, которая, кажется, могла бы знать ее и получше. Ну, пусть не детства, а ранней, пряной юности, все равно. – Не дожدهшься!

– Ой, ну ладно, прости, это мне так просто глупости в голову лезут, – преждевременно повеселела Марина. – Тогда давай выкладывай, что там у тебя стряслось.

Выслушав изложенные в двух словах обстоятельства и записав продиктованный Ксенией перечень нужных ей вещей, Марина сменила тон с жизнерадостного на собранный, деловой:

– Окей, все поняла, все сделаю. Последний момент.

– Какой?

– Адрес, дурочка. Где мне искать твою здравницу?

– Ой... Марин, а я не знаю. – На том конце раздался театральный вздох, и воцарилось красноречивое молчание. Ксения невольно засмеялась, оценив комичность ситуации. – Марин, я спрошу и скину тебе эсэмэску, ладно?

– Да уж, мозги тебе точно отшибло, я смотрю, – проворчала Марина, слушая, как покалеченная подруга все еще хихикает над своей оплошностью. – Давай, выясняй, жду. Только больше не пропадай, будь на связи. А то я ведь не поленюсь, весь город перерою, чтобы тебе уши надрать.

На том и попрощались.

Повезло ей с Маринкой все-таки. В тот год, когда Ксения вышла замуж, Марина как раз заканчивала среднюю школу. Разница в возрасте довольно ощутимая, казалось бы, что может быть общего у замужней женщины с юной вертихвосткой – другой опыт, другие ценности и стремления. Но вышло так, что, познакомившись, девушки почти сразу стали лучшими подругами.

Ксения придирчиво изучила больничную еду и сделала вывод, что есть ей совсем не хочется. Она проглотила все содержимое стакана, включая кусочки сухофруктов, потом предусмотрительно открыла в телефоне поле для смс, чтобы записать адрес сразу туда. Больше заняться было нечем. Она улеглась поудобнее, насколько это было возможно, и снова задумалась, глядя в окно. Кстати, могла бы и сразу заметить, что решетки на нем нет, а дверь палаты не заперта на ключ. Да и посуда тут обычная, фаянсовая, бьющаяся. Какая ж это психиатрия.

Ксения поняла, что задремала, только когда почувствовала, что кто-то легонько потрепал ее по руке. Это пришла за посудой давешняя санитарка.

– Ты есть-то собираешься, милочка?

– Нет, спасибо, это можно забирать.

Женщина недовольно пожалала плечами. Опыт подсказывал ей, что нетронутая еда это плохой признак, но, если девчонка решила морить себя голодом, пусть голова болит у тех, кому это по должности положено. Не дите малое, в конце концов.

– Вы мне лучше скажите, где я нахожусь, чтобы я родственникам могла сообщить, – попросила Ксения.

– Вот, вот, сообщи, дорогая. – Санитарка заметно оживилась. – А то ты ведь у нас почти что, как неизвестная проходишь. Документов при тебе не было никаких, записали с твоих слов, что могли, а кому куда звонить, ты так и не сказала. Семья-то извелась, поди, – с чувством произнесла она, по-видимому, для нее эта была интересная тема.

Ксения усмехнулась, снимая графическую блокировку с экрана телефона. Судя по энтузиазму собеседницы, перемыть кости ей успели основательно, до скрипа.

Она не собиралась растолковывать трудолюбивой пенсионерке, что найти ее не составило бы никакого труда. Заявление в полицию, звонок в скорую, в больницы. Тем более, по этому происшествию непременно заведено дело, наверняка в ближайшее время ей придется пообщаться со следователем. Работы на несколько часов. Если бы кому-то хотелось ее искать.

– Ты вон дочку все вспоминала. Каково ж ребенку, когда мать пропала.

– Правда? Это был просто бред. У меня нет детей, – спокойно объяснила Ксения.

– Значит, хочешь, – авторитетно заявила санитарка. – Раз мысли такие лезли, когда ты без сознания была. Да и пора бы уж тебе. Чего не заводишь-то?

– Не сложилось, – коротко, холодно ответила Ксения, стараясь свернуть неприятную тему.

Скука и рутина, заставляющая пожилую женщину тоннами поглощать латинские сериалы, была сильнее деликатности и толкала на археологические изыскания в чужих шкафах. Однако сейчас санитарка почувствовала, что продолжать не стоит. Она бы охотно задержалась, чтобы послушать разговор девушки с родными и как вампир напиться чужими эмоциями, радостными слезами и сбивчивыми восклицаниями. Только вот телефон отправился под подушку. Звонить прямо сейчас девонька никому не собиралась. А больше тут делать нечего.

– Так не будешь есть? Ну и сиди голодная, где сил-то возьмешь выздороветь, – проворчала она, направляясь к выходу.

Дверь в палату распахнулась, едва не задев ее и впуская того, кого Ксения успела мысленно окрестить профессором.

Немолодая санитарка резво шагнула в сторону, задев бедром угол тумбочки у свободной койки. Торопливое движение едва не разрушило шаткую конструкцию посуды в руках, однако ей удалось все удержать.

Он начальник, а она – младший персонал. Вполне естественное поведение. Однако в ее действиях чувствовалось уважение не только к чину, но и к личности вошедшего. «Прямо Стравинский», мысленно усмехнулась Ксения, вспомнив утренний обход со студентами. Она было удивилась, но сразу же сообразила, откуда такая аналогия. Безоговорочное почтение к доктору от всех окружающих плюс брошенное местной сотрудницей имя – Михаил Афanasевич. Элементарно. Правда, Преображенский был бы ближе, как коллега, но зато не так впечатляющ.

«Профессор» взглянул в первую очередь не на пациентку, а на нетронутые тарелки.

– Оставьте суп, Мария Денисовна, – велел (именно велел!) он.

Ксения обратила внимание, что его медицинский халат сменился зелено-голубым одеянием хирурга. Получается, профессор не только теоретизирует в аудитории, он еще и практик.

Откуда ей было знать, что кафедра, хоть и базируется на активах больницы, ее частью не является. Так что обучать студентов «профессор» мог именно что в операционной и разве что иногда выступать в роли приглашенного лектора.

– Пусть ест холодный, раз горячим не захотела, – прокомментировал он сам себя, возмущив Ксению. Да что ж это такое, почему тут все обращаются с ней, как с ребенком или слабоумной! Однако она отметила – и это ей понравилось – что такой значительный человек называет простую санитарку по имени-отчеству. Это высший пилотаж искусства управления. Быть главой, но не быть тираном. Поддерживать дисциплину, порядок, свой авторитет и при этом не демонстрировать свою власть без необходимости; выносить выговор, но не наносить личных оскорблений. Видимо, его чувство собственной значимости – подлинное и не требует таких шатких подпорок, как высокомерие с подчиненными. Он и без того знает, кто он есть и чего стоит. Это знание надежно покоится на собственных достижениях, а не на промахах окружающих.

Когда его распоряжение было выполнено, и Мария Денисовна удалилась, аккуратно прикрыв дверь, его внимание обратилось, наконец, к больной.

– Я не позволю тебе голодать. Я знаю, что нет аппетита, но ты все равно должна есть, хоть немного. Это необходимо, – тон был таков, словно он даже не предполагал возражений.

– Хорошо, – кротко ответила Ксения, невольно подпадая под ауру его авторитарности и покорно снося фамильярность. Впрочем, это, скорее, был просто психологический прием для усиления эффекта. Далее он был исключительно вежлив.

Она слушала, как доктор негромко и неторопливо (и без латыни!) растолковывает ей создавшееся положение. Она не совсем понимала, зачем «профессор» утруждает себя функциями лечащего врача, повторяя то, что она уже слышала. Но рассказывал он гораздо понятнее, поэтому она изредка послушно кивала, а сама исподволь разглядывала его, пользуясь тем, что не нужно напрягать извилины, продираясь сквозь терминологию.

Ему около сорока, а, может, немного больше. Наверное, на голову выше нее. Определить это, глядя на человека снизу вверх, довольно непросто, но его крупное телосложение предполагало высокий рост. Хирургический костюм не позволял различить линии фигуры, но Ксения не сомневалась, что некоторая грузность – только видимость, создаваемая свободной одеждой. Никаких запасов жирка «пижама» не скрывает: слишком уж чувствуется в нем большой запас физической силы. Может, у него и не обнаружится проработанного рельефа, как у голливудских актеров, но, тем не менее, весь этот объем состоит из мускулов... сильных, упругих, привыкших к тренировкам.

Ксения чуть смутилась, удивляясь, в какие неожиданные пикантные дали забрели ее мысли, и перевела взгляд на его лицо, стараясь ухватить потерянную нить разговора...

И вот тут ее ждало настоящее потрясение.

Высокий лоб, обрамленный короткими темно-русыми волосами и густыми ровными дугами бровей. Плавный изгиб переносицы, переходящий в красиво округленные крылья носа. Чистая кожа на славянских скулах. Резко очерченные, сжатые и, кажется, никогда не улыбающиеся губы. Маленькая ямочка на подбородке. Четко вылепленные мускулы лица и намеченные легкими штрихами мимические морщинки.

Все эти контрастные детали трудно было уловить с первого взгляда, потому что все затмевали его глаза.

Большие, окантованные черными ресничками на розовых, воспаленных веках, глубокие, властные. Усталые, но в буквальном смысле светящиеся. И самые-самые синие... Она застыла, как мушка в янтаре, в окутавшем ее сиянии.

Голубые глаза традиционно считаются красивыми. Однако это не всегда так.

Когда-то у Ксении был приятель, глазам которого она не переставала удивляться. Его взгляд (не водянисто-голубоватого невзрачного оттенка, а действительно интенсивного небесного цвета) был скорее неприятным. Выразить это словами было непросто, но, подумав, можно было бы сказать, что глаза того паренька напоминали старые – старые стеклянные линзы. Выгнутая, рабочая поверхность неким чудом сохранила блестящую полировку, но обратная сторона помутнела от многочисленных сколов и царапин. По ассоциации с повреждениями эти условно красивые глаза казались бельмами и, подобно всякому уродству, вызывали у смотрящего в них полуосознанное жалостливое отвращение.

Синие глаза Михаила сверкали ледяным блеском. Смотреть в них было все равно, что... все равно, что попытаться рассмотреть маленькую точку на бескрайних полях Антарктиды в погожий денек.

Наверное, ее смятение как-то отразилось внешне, потому что Михаил Афанасьевич прервал свою размеренную речь настороженным вопросом:

– С Вами что-то не так? Вы не слушаете. Болит что-нибудь? Или голова кружится? – он внимательно наблюдал, отслеживая реакцию пациентки.

– Нет, все хорошо, – с нервным смешком ответила Ксения, с трудом выныривая из синих глубин.

– Мне показалось, что Вы, как говорят, «плывете». Такое бывает после травм головы, – ровно пояснил доктор, теряя к ее персоне всякий интерес. Его лицо вновь застыло, закрылось, словно опустили занавес.

Плыву... да... нет, скорее тону, смутно подумалось ей.

– Нет, ничего такого, – повторила Ксения, усилием воли включаясь в беседу. Поколебавшись секунду, она все-таки призналась: – Если честно, мне немного страшно.

– Это понятно, – согласился Михаил Афанасьевич без малейшего участия. – Но без хирургического вмешательства не обойтись, если Вы хотите жить полноценно. Да и бояться, в сущности, нечего. Здесь у нас собраны лучшие специалисты, установлено прекрасное оборудование, отлажены все методики восстановления.

– Да я не опасуюсь некомпетентности или халатности, – торопливо пояснила Ксения. – Но ведь всегда бывают непредвиденные обстоятельства, срывы, да мало ли...

– У меня в отделении всякие «мало ли» сведены к минимуму, – с апломбом заявил доктор, теряя терпение.

Шанс провалиться в канализацию тоже был довольно мал, однако вот она я, лежу в Вашем распрекрасном отделении, мысленно возразила Ксения. Впрочем, понимая, что нет смысла мусолить этот вопрос, вслух она сказала:

– Да Вы не обращайтесь на меня внимания. Все равно мои страхи тут роли не играют. Надо, значит, надо. Вытерплю, не закатывая истерик и не мешая Вам работать.

– Вот и умница, – Михаил Афанасьевич неожиданно улыбнулся.

Ксения забыла вдохнуть, сраженная переменой. Эта метаморфоза была невероятна. Его лицо преобразилось, стало живым, осветилось. Словно из-за тяжелых, непроглядных туч неожиданно выглянуло солнце. Его улыбка, подобревшие глаза заливали светом всю комнату. Не дыша, она смотрела в эти поднебесные лучистые глаза и ясно понимала, что пропала. Запуталась в синих лучиках, расходящихся от зрачков, как русалка в водорослях.

– Я за тобой присматриваю. Все будет хорошо, – ласково сказал он. Словно скрепляя обещание, он легонько сжал ее локоть. Она почувствовала, как кожа покрывается мурашками удовольствия.

Улыбка пропала. Солнце снова спряталось за тяжелыми занавесями. Не прибавив ни слова, он развернулся и быстро вышел, в последний момент придержав дверь, чтобы не хлопнуть.

А Ксении оставалось только гадать, почему ей внезапно стало так одиноко, как если бы она осталась одна во всей вселенной, почему ее сердце так отчаянно сжалось, словно в предчувствии непоправимой беды и отчего хочется безудержно плакать.

Все прошло так, как и обещал «профессор»: без сучка, без задоринки. За единственным исключением, которое Михаил Афанасьевич ну никак не мог предвидеть: ночи были невыносимы.

Спала она как кошка: урывками, когда придется, хоть днем, хоть ночью. Несмотря на лекарства, послеоперационные боли были сильными, неотвязными. Все время казалось, что, если повернуться на другой бок, боль станет меньше. Прodelать это было не так-то просто. Нужно было проснуться, вытянуть руку, чтобы распрямить плечевой сустав и уменьшить сопротивление, ухватиться за металлический прут в спинке кровати и только тогда поворачиваться, как удобно. То ли это и впрямь помогало, то ли срабатывало самовнушение, но ненадолго боль действительно утихала. Минут на двадцать, на полчаса. Потом все повторялось.

Но и в эти малые отрезки ей не было покоя. Возможно, дело было в неполноценности поверхностного, неглубокого сна, возможно, в общей усталости измученного организма. Так или иначе, ее преследовал один и тот же, бесконечно повторяющийся, реалистичный до холодного пота, кошмар.

Она бежит по узкой заснеженной тропинке куда-то вниз. Босиком, в своей ночной сорочке. Это широкий овраг. Наверное, очень широкий, потому что вдали виден перекинутый через него мост. По мосту едут машины, их можно угадать по мелькающим включенным фарам, ведь зимние утренние сумерки еще не кончились. Там люди, там движение и жизнь. А она одна, мчится на пределе дыхания, прямо в реденький еловый лесок на дне. Если удастся его миновать, а потом взбежать по тропинке вверх, в просыпающийся город, она будет спасена. Но то, от чего она спасается, больше и быстрее нее. Это страшное, безмолвное нечто за ее спиной, оно догоняет, тянет волосатую лапу и вот-вот схватит. Когда-то оно было челове-

ком. Маленьким, миленьким, розовеньким, в перетяжечках, младенцем. И вот ведь что непостижимо – завтра оно снова будет человеком... А для нее никакого завтра не будет, если она не одолеет этот овраг.

На плечах у нее какая-то тяжесть. Рюкзак. Звериным инстинктом она понимает, что ноша тормозит ее, мешают, к тому же так преследователю удобнее всего схватить ее. Не смея остановиться, она передергивает плечами, лямки сползают, рюкзак соскальзывает и остается позади, на тропинке, как маяк, как след из хлебных крошек.

Уловка запоздала. Монстр с человеческим лицом уже слишком близко. Она почти чувствует затылком его учащенное дыхание. У них обоих – и у хищника и у жертвы – кипит в крови адреналин. Только он бодр и весел, погоня его радует, возносит на пик существования. Он затем и родился, чтобы настигать и убивать. А она уже выбилась из сил, их не хватит, чтобы подняться в гору.

Она круто сворачивает в сторону, петляет между колючих веток в надежде спрятаться. И вдруг останавливается.

Лесок мал и просвечивается насквозь. Там, где зеленые лапки не переплелись меж собой, снег мог падать свободно. Сугробы образовали причудливый лабиринт между темными пятнами голой земли вокруг стволов елей. Это красиво даже в невыразительном сером утреннем свете. Она стоит и всматривается в этот белый, нетронутый городской копотью снег, словно уже неживая.

И она видит, как снег меняет цвет. Он напитывается розовым, как губка водой. Один, два, пять – из снега начинают бить алые фонтанчики. Темные плотные струйки взметываются невысоко и падают обратно, пропадая в сплетении миллионов снежинок. Она оцепенело отмечает, что снег не тает, а ведь кровь горячая, она курится в морозном воздухе. И она знает, что стоит лишь немного повернуть голову, и она сможет увидеть источник этого кровавого раздолья. Ведь она уже бывала в этом месте.

Чудовище где-то рядом, вне поля ее зрения, но оно здесь. Оно притаилось неподалеку и довольно, сыто урчит. Оно больше не опасно. Оно ведь уже взяло, что хотело – ее жизнь.

Ее босым ногам становится тепло. Она оборачивается и видит, что темная густая жидкость заливает их следы. Снег отдает ее, не в силах впитывать больше. Она стоит по щиколотку в дымящейся луже, которая согревает ее ступни.

И вот тут она, наконец, начинает отчаянно кричать, хотя смысла в этом уже нет никакого.

В первую ночь Ксения переполошила медсестру. После третьей ей все-таки назначили снотворное. А еще через день постельный режим закончился.

Михаил Афанасьевич добросовестно появлялся каждый день. Просто заглядывал на минутку, справлялся о самочувствии, бросал с порога пару ободряющих фраз и исчезал. Ксения понимала, что необходимости в этом нет, он ведь не осматривал ее, не проводил перевязок, не интересовался жалобами. Светские беседы на уровне «Как дела? Хорошо? Вот и отлично» в его обязанности явно не входили, поэтому проявление внимания было ей особенно приятно. Его визита она ждала с самого утра. Тем более что тягучие, нескончаемые больничные дни разнообразием не баловали. Через несколько суток такого «одиночного заключения» даже ужин начинаешь ждать, как событие, гадая, а что новенького дадут сегодня.

Поневоле располагая кучей свободного времени, Ксения, как могла, старалась занять себя. В том числе и раздумьями. Например, она провела не один час, стараясь убедить себя, что на самом деле ни капельки не влюблена.

Ведь любви с первого взгляда не бывает.

Бывает желание любви, бывает затянувшееся одиночество, бывает вожделение.

Последнее вряд ли можно отнести к ее случаю: весьма сомнительно, что ее истерзанное тело способно сейчас на подобную игривость. Ему не до флирта, ему бы выжить, зализать раны.

И хорошо бы, если бы в период немощности кто-то был рядом. Кто-то, способный помочь, защитить.

Например, доктор, который по стечению обстоятельств молод, хорош собой и держится таким полубогом. И к тому же именно он – о, но это уж точно чистая случайность! – благодаря своей профессии и довольно высокому статусу, способен быстро решить любые непредвиденные осложнения.

Так, саркастически посмеиваясь, Ксения препарировала свое чувство и безоговорочно доказывала сама себе, что никакой любви в ее душе нет. Всего лишь эгоизм, порожденный страхом и – ничего больше.

И все-таки доводы рассудка совсем не мешали ей жалеть, что их встречи были такими мимолетными. Несколько минут было слишком мало, чтобы вдоволь налюбоваться его небогатым на мимику, почти суровым лицом и до краев наполнить слух звуками его странного, необычного голоса. Он как ручей: вода монотонно бежит и бежит все по одним и тем же камушкам и изгибам, не меняя тональности. Но стоит только прислушаться, и монотонное журчание распадается на множество разных капелек-нот, а по поверхности пробегают солнечные блики интонаций.

В сущности, эти короткие визиты – настоящее издевательство, подобно миражам в пустыне.

Вот так же, как и всегда, с порога, между делом, Михаил Афанасьевич сообщил ей, что завтра пора вставать с кровати. Ксения, не ожидавшая этого так скоро – она вообще как-то не задумывалась, сколько должен длиться постельный режим – раскрыла глаза в испуганном удивлении и едва заметно покачала головой. Но даже такой слабый протест не укрылся от внимания доктора.

– Нет? И сколько же ты планируешь отдыхать? – осведомился он, насмешливым тоном подчеркивая снисходительное «ты».

– Нисколько, – с досадой ответила Ксения. – Мне так надоело целыми днями смотреть в потолок, что я готова хоть сейчас вскочить...

– Тогда в чем дело? – подбодрил он.

– Я стала такая слабая, – Ксения брезгливо скривилась, настолько ей была неприятна собственная беспомощность. – Мне приходится делать усилие, чтобы дотянуться до стакана на тумбочке. Я не представляю, как смогу вот так запросто встать на ноги.

– Зато я отлично представляю. Вы что же, думаете, я не знаю, что делаю?

– Нет-нет, что Вы, – запротестовала она. – Это я просто от неожиданности, но раз Вы говорите, что пора, значит, пора.

– От постельного режима сил не наберешься, – подтвердил он. – Так что завтра встаем и начинаем приходить в норму, – повторил Михаил Афанасьевич и скрылся за дверью.

Однако назавтра возникли непредвиденные заминки.

За сутки она привыкла и предстоящее мероприятие уже не пугало, а только радовало. Она толком не знала, как должна проходить процедура: в присутствии доктора, под присмотром медсестры или ей просто скажут, что можно вставать и дело с концом. Завтрак был съеден, таблетки приняты, лекарства прокапаны, но она так и продолжала оставаться в постели. К середине дня ожидание настолько измотало ее, что Ксения уже подумывала, а не подняться ли самой. Ну, в самом-то деле, велика ли важность – встать с кровати, зачем тут доктор. Не ноги же у нее переломаны. Но благоразумие все-таки взяло верх, и самовольничать она не стала. И правильно сделала, как оказалось.

Михаил Афанасьевич заглянул уже во время тихого часа. Быстренько совершив привычный ритуал обмена репликами, он уже собрался выйти, но Ксения окликнула его, напомнив:

– А когда же подъем?

– Завтра, – обернулся он. Ничего не объяснил, но говорил мягко, с ноткой сочувствия, словно ему жаль, что пришлось ее огорчить.

Она, разумеется, не могла знать, что делать это должен ее лечащий доктор. Но так уж вышло, что с самого утра он находился в оперблоке. А сейчас попросту отдыхал на диване в ординаторской, массируя руки в усталой полудреме, заполнив протокол сложной операции и приготовив на столе стопку историй болезни, которые еще только предстояло обработать.

– Завтра? – поникшим голосом повторила Ксения. Понятно, что спорить и просить бессмысленно, раз процедура откладывается, значит, тому есть причины. – А самой нельзя? – с надеждой спросила она.

– Я те дам – самой! – прикрикнул он, против обыкновения делая несколько шагов в глубину палаты. – Даже не вздумайте, это не так просто, тут есть свои нюансы.

– Хорошо, хорошо, я поняла, подожду до завтра, – вздохнув, примирительно ответила Ксения.

Михаил Афанасьевич немного помедлил, глядя на расстроенную пациентку, и вдруг, сердито тряхнув головой, сказал:

– Ну, ладно! Давайте сейчас.

Не обращая внимания, как ее лицо расцветает благодарной радостью, он сухо приказал ей подвинуться к самому краю кровати. Ксения выполнила распоряжение и спохватилась:

– Только... я же в одной футболке.

– Да что ж такое, – досадливо поморщился он. – Вечно одно и то же. Ну не глупо ли стесняться после операционной... Как Вы, кстати, лежа одеваться-то собираетесь?

– Не ругайтесь, Михаил Афанасьевич, – извинилась Ксения. А ей и в голову не приходило, что он тоже приложил к ней руку. Тогда тем более понятно, что он видит в ней только кусок человеческой плоти, а она-то размечталась, наивная. Как смешно и нелепо было фантазировать, что он разглядит в ней женщину... после того, как вшивал дренажную трубку ей в задницу. Пардон, в область крестцового отдела. – Нормальная реакция. Я знаю, что доктор видит не человека, а диагноз, только я редко обращаюсь за медицинской помощью, поэтому мне трудно видеть в Вас просто бесполой белый халат. Что дальше делать? – быстро спросила она, опасаясь какого-нибудь едкого комментария, на которые, как она уже успела убедиться, он был мастер.

Михаил Афанасьевич молча откинул одеяло, оголяя ее ноги. Сама она не догадалась, что оно будет мешать. Наклонился, охватывая ее и фиксируя руки на лопатках. От неожиданности Ксения напряглась, замерла, даже дышать перестала.

– А дальше обопритесь на меня.

Упорно глядя в стену позади него, она неловко положила ладони на белую ткань, едва касаясь рукавов халата.

– Я сказал опереться, а не погладить, – проворчал доктор у нее над ухом. – Сцепите пальцы в замок.

Несмотря, через силу она сомкнула ладони у него на шее, руками, плечами, грудью ощущая его сильные мускулы, его желанное тепло, дающее какое-то смутное чувство безопасности. Ей оставалось только надеяться, что доктор не заметит, как она мучается от смущения и одновременно стремления обнять его по-настоящему. Вот бы он посмеялся. Или рассердился. Ведь для его в происходящем интимности было ровно столько же, сколько для нее, когда она вынимала из принтера свежотпечатанный договор..

– Запоминайте, в каком положении спина должна быть зафиксирована, – велел он, без усилий приводя ее в вертикальное положение.

Ксения глубоко вздохнула, не слишком успешно пытаясь побороть приступ тошноты. С некоторым усилием она сосредоточилась и заглянула за плечо доктору: достать до пола, сидя на этой специальной кровати, она не могла, даже вытянув носки.

Михаил Афанасьевич проследил ее взгляд.

– Да, высокогато, – согласился он.

Прижав к себе поплотнее, он приподнял ее и поставил на ноги. Ксения закрыла глаза, размеренно и глубоко дыша, стараясь утихомирить бунтующий желудок и кружащиеся стены. Спина болела, ноги дрожали, не желая выполнять свою задачу. Наконец, она почувствовала, как мужские руки расслабились, перестав поддерживать ее, и торопливо отступила. Она сделала резкое движение, стараясь дотянуться до халата, висающего на спинке кровати, и чуть не упала. Однако Михаил Афанасьевич был настороже и тут же подхватил ее.

– Не торопись, – ровно посоветовал он, придерживая ее за плечи. По непонятной, одному ему известной системе он снова перешел на «ты». – Подожди немного, сейчас все пройдет.

Через минуту Ксения действительно почувствовала себя лучше и смогла, наконец, одеться.

– Вот таким же образом будете вставать и ложиться самостоятельно, чтобы спина оставалась прямой. И на левую руку, конечно, не опирайтесь, – напутствовал доктор, наблюдая за ее вялыми, неуверенными движениями.

Справившись с застежкой халата, Ксения улыбнулась:

– Спасибо, Михаил Афанасьевич. Какое, оказывается, счастье – просто стоять на своих ногах, кто бы мог подумать.

– Попросите санитарку помочь Вам собрать вещи. Вас пора переводить в обычную палату. Берегите себя, как китайскую вазу: тяжестей не поднимайте, сильно не наклоняйтесь... ну и вообще, не геройствуйте, – выдал он еще серию рекомендаций, игнорируя благодарность, и удалился.

Через час ее переселили в общую палату, а еще через четыре дня выписали. Михаила Афанасьевича она видела лишь однажды. Прогуливаясь взад-вперед по коридору, она столкнулась с ним, выходящим из ординаторской. Он только кивнул на ее «здравствуйте» и поспешил по своим делам.

Перед выпиской с ней побеседовал лечащий врач. В числе прочего он объяснил, что ей нужно будет периодически приходить на контроль в поликлинику. А прием ведет... ну да, конечно, кто бы сомневался...

Как ни странно, Ксения не обрадовалась возможности увидеть его снова. Она бы предпочла больше никогда не встречаться со своим синеглазым спасителем. Попробуй-ка забыть, если в голове будет крутиться мысль, что снова скоро его увидишь.

И вот, с документами в сумке и пластырем под одеждой, Ксения вернулась домой, всего на три недели позже, чем планировала.

Вечера Ксения предпочитала проводить дома. С некоторых пор ей хотелось уединения.

Приглашения она вежливо отклоняла, беспредметные звонки быстренько закругляла; и через какое-то время осознала, что множество ее хороших знакомых просто растворились. В первую очередь это касалось приятелей со стороны Саши, но и ее собственные друзья тоже довольно быстро осыпались с телефонных проводов.

Тишина в эфире (и в доме) ее вполне устраивала. Тем более, что две самых близких подруги у нее остались, хотя и они не слишком навязывали ей свое общество. То ли они были достаточно деликатны, то ли просто устали ломать копыя в попытках растормошить подругу и решили оставить ее в покое.

Но, видимо, сегодня был не тот день.

Было уже почти темно, хоть и не поздно – похолодало, небо, обложившись тяжелыми тучами, всерьез угрожало дождем.

Вернувшись с работы, Ксения быстренько разделалась с домашними делами. Дом, в котором нет детей и животных, нетрудно поддерживать в законсервированном порядке.

Она заглянула в полупустой холодильник, выудила с полки баночку йогурта и ветку винограда. Первое съела сразу, на ходу. Она редко готовила, для себя одной жаль было тратить время и пачкать посуду. Вымытый виноград отправился на тарелку.

Кухня когда-то была гордостью Ксении. Ее обустраивали с особой заботой, поскольку она же служила и гостиной, что не редкость в российских квартирах. Обе комнаты в доме имели жильцов, а кухня была большая, даже чуть больше, чем маленькая комната – непонятная причуда неизвестного архитектора. Поэтому Ксении без труда удалось разделить ее на рабочую и гостевую зоны. Когда-то они с Сашей после долгих поисков и десятков чертежей и эскизов нашли салон, где им предложили идеальный вариант кухонного гарнитура. Теперь рабочий стол, мойка и плита скрывались за барной стойкой, а на другой половине, укрытой ковровым покрытием, помещались небольшой кожаный диван, служивший при необходимости пристанищем позднему гостю, и обеденный стол.

Добавив к винограду пару конфет, Ксения пристроила тарелку на краешек стола, принесла из комнаты плед и новенькую книжку. Имея интернет, можно каждый день получать сколько угодно новых книг, но бумажные, настоящие, Ксения любила больше.

Она только устроилась на диване с книжкой, как тут же запел телефон. Ну что за наказание... Вздыхнув, она нехотя потянулась за мобильником.

Маринка. Ладно, с ней мы всегда рады пообщаться.

– Ксюха, привет. Как ты там, мхом не заросла еще? Слушай, что я подумала. Приезжай-ка ты, душа моя, к нам. Нечего дома киснуть.

На заднем плане Ксения слышала музыку, смех, разговоры. Значит, Марина не дома гуляет. Маринкина семья жила тесно – она, муж, мать и двое детей. Старшая с бабушкой, а младший, недавно вставший на ножки, с родителями. Так что принимать гостей Маринке просто негде.

– Куда это «к нам», Марин, и по какому поводу?

– По поводу юбилея Наташки. А адрес я тебе сейчас скажу, тащи ручку. Милый кабачок, между прочим.

– Марин, ну ты чего... С какой радости я поеду на день рождения какой-то Наташки?

– Что значит «какой-то»? – перебила Марина. По голосу Ксения поняла, что подруга изрядно навеселе, а значит, вдвое упрямее обычного. – Не какой-то, а моей тетки! – Марина захихикала. Ей всегда было смешно называть теткой вторую жену маминого брата, родившуюся в один день с племянницей. Марина даже завела привычку звать Наташу «моя тетя-близняшка». – Вы прекрасно знакомы.

– Не так уж мы и знакомы, – возразила Ксения. – По крайней мере, не настолько, чтобы меня приглашали. Нет, Марин, идея неудачная.

– Ой, давай без этого! При чем тут день рождения, кстати, – дошло, наконец, до Марины. – Я тебе про свадебный юбилей толкую. Ты ж не будешь утверждать, что и с моим дядькой знакома недостаточно? Не приглашали тебя, потому что дохлый номер. Ты ж все равно откажешься. Но я-то от тебя не отстану, так что собирайся давай, – непреклонно потребовала она. – Да тем более тут уже столько левого народу собралось. Всякие братья-жены-друзья гостей и вовсе неизвестно кто. И, между прочим, среди мужчин есть очень симпатичные. И пока не заняты, так что поторопись. Живо найдем замену твоему козлу...

– Хватит! – ледяным тоном оборвала Ксения, но больше ничего добавить не успела, потому что Марина немедленно дала задний ход:

– Ну ладно, ладно, извини. Все, больше ни слова: ни о козлах, ни о капусте. Могу о козах рассказать, есть тут парочка, – она снова захихикала, сорвавшись с покаянного тона. Точно, пьяна, подумала Ксения.

– Давай собирайся. И не вздумай возражать, иначе я сама к тебе приеду – с двумя или тремя мужиками, и не обещаю, что хотя бы один из них будет мой муж!

С нее, пожалуй, станется... в таком-то расположении духа.

А, собственно, почему бы и не развеяться немного? Завтра выходной, вполне можно уделить пару часов Наташе. Как только надоест вечеринка, она сразу вернется к дивану с книжкой. К тому времени Марина будет уже так «хороша», что и не заметит ее ухода. Веселилась подруга редко, зато от всей души.

– Ау! Ты где там! Смотри, я от тебя не отстану. Сейчас вызову такси и заявлюсь... с бочкой алкоголя и цыганским табором! – пригрозила Марина.

– Ой, нет, не надо, очень тебя прошу! – засмеялась Ксения. – Ладно, дорогая, уговорила. Только дай мне полчаса на сборы и... не знаю, сколько на дорогу. Где там ваша веселая компания?

– Я ж тебе говорю, тащи ручку и записывай! Вот и молодец, я тебя жду, будешь подъезжать – позвони, выйду тебя встретить!

В полчаса, Ксения, конечно, не уложилась, хотя собиралась без лишних телодвижений. Душ, фен, косметичка. Несколько минут терзаний у шкафа. Это платье не по погоде, блузка к той юбке в стирке, а эта не сочетается с длиной плаща... остановилась на симпатичных брючках в обтяжку и к ним яркая рубашка с коротким рукавом. Жаль, шпильки остаются пылиться в коробке, но с этим ничего не поделаешь, придется им подождать.

Одевшись, она придирчиво осмотрела себя в зеркальной дверце... немного дольше, чем было необходимо.

Она так давно не видела себя...

Все ее взаимоотношения с зеркалом сводились к тому, что она проверяла, гладко ли уложены волосы и не осталось ли в уголках губ следов зубной пасты.

И вдруг, впервые за долгие месяцы, она взглянула на себя как на представительницу женского рода – оценивая, насколько она хороша и привлекательна.

Ксения придирчиво разглядывала себя, словно увидела впервые.

Довольно высокая и притом тоненькая. Однако не субтильная, как это случается с юными азиатскими девушками.

Пожалуй, она взяла лучшее от смешения двух рас. Едва заметная раскосость зеленых глаз не утяжелялась мощной жировой прослойкой верхнего века, как это свойственно монголоидам, ее веки с длинными черными ресницами были тонкими и потому глаза получились огромными на фоне очерченных скул. А от славян ей достались высокий лоб, пухлые губы и фигура. Может, грудь и маловата, но зато отлично гармонирует с талией и округлыми бедрами. А длинные ноги не выглядят тощими, они по-славянски крепкие, хорошо обтянутые мышцами – круглые колени, плавные, но твердые линии голени.

Словом, хороша. К таким ножкам юбочку бы покороче, но, увы... мини-юбку без туфель не наденешь, придется довольствоваться брюками.

Она подцепила из шкатулки браслет в тон рубашке и бросила взгляд на часы. Пора вызывать такси.

Компания и впрямь собралась немалая. Наташе всегда нравились мероприятия с размахом, она вполне могла себе это позволить, да и круглая дата, как-никак.

Кафе из двух залов – танцпол и небольшое помещение с парой бильярдных столов. Шумно и весело было в обоих. Официальная часть уже закончилась, вечеринка была в самом разгаре, в той стадии, когда гости еще не пьяны в стельку, но стаканов на столах уже больше, чем тарелок.

Марина уверенно прокладывала себе дорогу среди этой толчеи. Ксению она тянула за собой на манер буксира.

Несколько минут ушло на обнимания с Наташей. Та выслушала положенные поздравления, дежурно возмутилась, что Ксения тратила время на покупку дежурного же подарка, и потащила здороваться со знакомыми и знакомиться с неизвестными Ксении гостями. Это было утомительно и никому особенно-то и не нужно, но Наташа этого, как всегда не замечала. Положение спас администратор, подошедший к хозяйке приема. Наташа тут же переключилась на организаторские вопросы, и Ксения смогла перевести дух.

Ей было неуютно на этом чужом празднике после многих месяцев затворнической жизни. Слишком много громкой музыки и резких восклицаний, вырывающихся из общего гула. Слишком много незнакомых лиц. Слишком много всего. Ничего, утешила себя Ксения, я просто отвыкла, это пройдет. Подруга права, хватит жить улиткой. А где она, кстати?

Маринка куда-то исчезла. А вон Славик, Наташин муж. Он сидел у барной стойки с каким-то мужчиной, смутно знакомым, но по затылку, в мельтешении цветных пятен света, не понять, кто это. Судя по взрывам смеха, восклицаниям «а помнишь!», «ну ты выдал тогда!» – там полным ходом вспоминали бурную молодость. Но, о чем конкретно говорит Славик, расслышать было невозможно. Пожалуй, подходить к нему незачем. Она осмотрелась, выискивая знакомых, к которым можно было бы присоединиться.

Видимо, одинокая трезвая женщина в центре зала являлась слишком заметной фигурой, потому что не прошло и двух минут, как к Ксении прицепился какой-то юнец: с целью познакомиться и развлечь скучающую девушку. Ну, что ж, пусть развлекает. Она была даже рада парню: он избавил ее от чувства неловкости, своей ненужности, неуместности здесь. Он проводил ее за столик, и следующие двадцать минут она слушала его болтовню о работе. Мальчишка оказался риэлтором, видимо, начинающим, ибо был очень горд этим обстоятельством и трещал, не умолкая, не нуждаясь в репликах собеседницы. Она вежливо улыбалась, кивала в нужных местах, изредка притрагиваясь к бокалу и между делом вспоминая, как же его зовут. А может, он и вовсе забыл представиться.

Однако это было довольно скучно. А его претензии на важность казались смешными: он так пыжился, словно перед ним была нежная ровесница, а не разведенка как минимум десятью годами старше. С другой стороны, его стремление понравиться было лучшим комплиментом, чем парочка тех, которые мальчик адресовал ей вслух.

Наконец, ей стало совсем уж неважно слушать этот монолог. Извинившись, она сказала, что ей нужно выйти на минуту. Юный торговец недвижимостью немедленно выразил желание проводить ее.

– Вот уж спасибо, там я и сама справлюсь, – рассмеялась Ксения, немного смутив парня. Пусть думает, что она пошла в дамскую комнату.

Она вышла на улицу и достала сигарету – пара глотков алкоголя давали о себе знать, мозг среагировал и включил знакомый шаблон.

Она стояла спиной к двери, отвернувшись от ветра, смотрела на залитый желтым теплым заревом проспект и крутила в пальцах сигарету, почти не затягиваясь. Курила она редко, по большей части как раз на застольях.

В чью-то хмельную голову пришла та же замечательная идея – проветриться. Не оборачиваясь, она узнала по голосу Славу:

– Ох, как свежо! Я прямо сразу протрезвел!

Кто-то весело ответил:

– Не сомневаюсь, что ты немедленно это исправишь.

Ксении показалось, что сердце пропустило удар. А потом забилося как ненормальное, только не там, где полагается, а сразу везде. Ей казалось, что весь мир наполнен этим тревожным стуком, как гулом набата. Ладони похолодели и стали влажными. Она так и стояла, упревая невидящий взгляд в огонек своей сигареты.

Этот неповторимый голос, мягкий, располагающий к себе, но прислушайтесь – и вы услышите в нем уверенность превосходства над вами. Этот сильный, яркий тенор может принадлежать только одному человеку на всем белом свете.

– Эй, Ксюша, это ведь ты, правда? – Слава, наконец, заметил ее. Она обернулась, глядя только на него, старательно игнорируя его приятеля.

– Привет, Слава. Рада тебя видеть.

– А я-то как рад! Ты тут с кем?

– Я тут, Славушка, с Мариной, вот только она где-то потерялась, – хмыкнула Ксения, прекрасно понимая, что намекает он на мужа.

– Ну, тогда предлагаю свою компанию вместо Маринкиной. Пойдем, посидишь с нами.

– Да я вроде как уже обзавелась компанией, один молодой человек любезно не дает мне скучать, – она улыбнулась, подчеркивая несерьезность возражения.

– И на кой он тебе сдался? С нами веселей будет. Нет, мы так давно не виделись, и ты хочешь променять меня на какого-то случайного типа? Я оскорблен до глубины души.

– Ты же знаешь, что тебя я ни на кого променять не могу, – засмеялась Ксения, наклоняясь, чтобы потушить окурок о край урны. – Просто не хотелось вам мешать. У вас там своя атмосфера, как я заметила.

– Это когда же мне мешала красивая девушка! – воскликнул Слава и, подмигнув, добавил: – Особенно, если Наташа не стоит над душой.

Они посмеялись этой шутке, оба зная, что Слава верный муж и никогда не выходит за рамки милого флирта. Зато на словах – неутомимый охотник, имеющий на счету десятки побед. Наташа молода, но не глупа, и потому позволяет ему распускать перья сколько угодно, понимая, что это – только безвредный способ чувствовать себя настоящим мужчиной.

– Знакомся, это Миша, мой давний друг. Это Ксения, подруга моей племянницы и почти член семьи, настолько давно мы знакомы.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулась Ксения, взглянув, наконец, на «давнего друга».

Конечно, она не ошиблась, это был он. Она с жадной торопливостью окинула его вороватым взглядом. Кремовая рубашка, распахнутая светлая замшевая куртка... довольно элегантно... Да, весь мир – одна большая деревня, где человек, которого и не надеешься повстречать вновь, внезапно оказывается другом твоих друзей.

– Здравствуйте, – тоже вежливо улыбаясь в ответ, сказал Михаил. Простое приветствие на пороге бара, даже оно звучало у него так внушительно, словно он делает доклад в конференц-зале.

Она заметила, что он посматривает на нее с любопытством. Не узнал. Оно и хорошо – не будет неловкости, но примешивалось чувство уязвленного женского самолюбия. Неужели она настолько непримечательна, что ее невозможно и вспомнить через столь короткое время? Впрочем, она понимала, что необъективна. Слава Богу, сейчас она не похожа на его пациентку – бледную, с синяками под глазами и бинтами на лице, неухоженные волосы собраны в лохматую косичку: попробуй-ка вымыть голову и сделать прическу одной рукой, когда еще нужно следить, чтобы не намочить повязки. Задача для терпеливых. А сколько он ежедневно видит таких вот страшилищ поневоле. Или, скорее, не видит, не замечает – его дело лечить, чего их разглядывать-то?

– Ребята, хватит на ветру торчать, пошли в тепло, – поторопил Слава.

– Тебе разве не хватает внутреннего подогрева? – поддел Михаил, открывая дверь и пропуская Ксению.

– Именно! – значительно сказал Слава, поднимая указательный палец. – В точку, Мишаня. Катастрофически не хватает. И я считаю, что этот недостаток нужно немедленно устранить.

Ксения засмеялась вместе с мужчинами. Только она смеялась не над Славиной проблемой, а над тем, как нелепо для ее уха прозвучало это дружеское «Мишаня» применительно к солидному доктору.

Слава потащил их к прежнему месту у стойки. Он усадил Ксению, раздобыл ей стакан и поставил еще один стул так, чтобы они сидели у стойки полукругом и все могли свободно видеть друг друга, без риска разговаривать со Славиным затылком.

Правда, поговорить толком не получилось. Они успели только соорудить первый тост, за юбиляров, конечно. Второй, за знакомство, только наметился, но тут за плечом у Славы возникла Марина.

– Ага... я, значит, ищу ее, а она тут пьет в теплой компании! – воскликнула она в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Значит, мы с тобой искали друг друга в разных местах, – парировала Ксения. А я вон там была, – махнула она рукой.

– Видела, с Русланом ты сидела, а только отвернулась – тебя уж и нет.

– Может, и с Русланом, я его имя не запомнила, – пожала плечами Ксения.

– Угомонись, дорогая, – попросил Слава племянницу. – Лучше присоединяйся к нам.

Однако Марине хватило нескольких секунд, чтобы оценивающе стрелкнуть глазами на Михаила, сложить два и два и принять решение. Отвернувшись от мужчин, она состроила хитрую рожицу Ксении. Нетрезвый ход мыслей подружки было нетрудно понять, и Ксения насторожилась. Как бы она не наломала дров, логика-то у нее сейчас пьяная и хромя, нужно ее проконтролировать, решила Ксения. Но не успела. Маринка стремительно перешла к делу.

– Вот еще! Я вообще-то за тобой пришла, дядюшка. Пойдем к Наташе.

– Ну, зачем мне идти к Наташе? Ей вон и без меня хорошо.

– А затем, что ты совсем про нее забыл и это некрасиво, все-таки это ее праздник.

– Я бы сказал – наш праздник, – упираясь, заметил Слава.

– Пошли, говорю, ей будет приятно, а тебе все равно без разницы, с кем пить, – ворчливо ответила Марина.

Она схватила Славу за руку и чуть ли не силой потащила в глубину зала, к двум сдвинутым вместе столам. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться женскому произволу.

Ксения в замешательстве смотрела им вслед. И что теперь делать? Встать и попрощаться было бы невежливо, да и вовсе не хотелось, конечно. Остаться? Так ее Слава пригласил, этот не был ни за, ни против. Возможно, без друга он предпочел бы другую компанию.

Пока она так размышляла, не зная, как поступить, Михаил просто подвинул освободившийся стул ближе к стойке, поменял стаканы местами и сел на место Славы. Ксения почувствовала облегчение – мужчина, сам того не зная, решил проблему – и радость оттого, что ему приятно ее общество.

– Прелести семейной жизни, – прокомментировал он. – У Славы, похоже, полный матриархат. Эх, вот и надейся на такого друга.

– Это ей так, под влиянием момента взбрело в голову покомандовать, никак не забудет, что была единственным ребенком в семье и всеобщей любимицей. А Наташа вообще всегда лояльно относится к друзьям мужа, – заступилась Ксения. Ну не объяснять же ему, в самом деле, что подружке внезапно вздумалось сводничать. А, может, не так уж и внезапно, если вдуматься. Ну, Маринка... ты только протрезвей, пообещала мысленно Ксения. Ты, конечно, и представить не могла, во что меня втрапливаешь. Хотя, если бы могла, то, чего доброго, взялась бы за дело с удвоенной энергией, так что еще грех жаловаться.

– Мне показалось или с Мариной Вы не знакомы? – спросила она, просто, чтобы поддержать беседу.

– Мы виделись пару раз, но так давно, что вряд ли она меня узнала. Да и со Славой-то мы редко пересекаемся. Раньше работали вместе, потом разбежались по разным местам. Работа, семья и прочее. Обычное дело.

– Работали вместе? Вы тоже программист? – Ксения старательно изображала чукчу. Она таяла от его уютной манеры речи, вслушивалась в интонации, стараясь запомнить.

Он был другим.

Он был совершенно расслаблен, глаза оттаяли, голос смягчился и стал живым. Рядом с ней сидел совершенно другой человек. И таким он нравился ей еще больше.

– Нет, я медик, – улыбнулся Михаил. Ну, надо же, какая скромность, просто медик, ничего особенного. – Мы познакомились, когда были еще студентами. Проходили практику в одном учреждении, каждый по своей профессии. Медицина ведь не отстает от жизни и тоже все больше переходит на цифровые носители, – рассказывал он, словно читая лекцию, видимо, незаметно для себя переходя на привычный ритм. – У нас там была локальная сетка примерно на тридцать машин. Для Славы это была хорошая возможность набить руку. Помогал нашему системному администратору.

– Я вот и слов таких не знаю – локальная сетка. А Вы, видимо, неплохо в этом разбираетесь.

– Откуда такой вывод? – поинтересовался он.

– Свободно и к месту пользуетесь жаргоном. Хотя при Вашей профессии это не должно удивлять.

– Что-то я не уверен, что уловил связь, – вопросительно заметил Михаил.

– Я всегда относилась к медикам с особенным уважением, – пустилась она в объяснения. – Впрочем, как и к представителям других... как бы это сказать... социально значимых профессий. Военные, силовики, МЧС, ну Вы понимаете...

– Почему?

– Эти люди значат так много в жизни общества... – раздумчиво ответила она, подбодренная тем, что он задает уточняющие вопросы. – И, понимаете, мне кажется, что такая профессия – это действительно работа, а не отбывание необходимой повинности с восьми до пяти. К этому действительно нужно иметь призвание и работать с энтузиазмом... Наверное, я просто завидую тем, кому посчастливилось найти работу по душе, – улыбнулась она. – А медицина – такая необходимая и сложная штука, что любой врач кажется мне на голову выше простого смертного.

– Ну, так уж и на голову.

– Если я и преувеличиваю, то совсем немного, – задетая снисходительной иронией, Ксения даже не заметила, что осмелилась перебить своего кумира. – Шесть лет осваивать науки, от одного названия которых можно язык сломать. Ежедневно общаться с большим количеством чужих людей, притом, что больной человек часто напуган и потому озлоблен. Уметь быстро принимать решения и брать на себя огромную ответственность. Ум, такт, сила воли: разве это заурядная личность? Ну, как-то так...

Она замолчала, смущенная пристальным взглядом синих глаз. Взгляд василиска. Только этот свет обращает не в камень. В факел. Горишь, горишь и никак не можешь подернуться пеплом.

– Ксения, это чудесно, век бы слушал. Только у меня один вопрос, – он усмехнулся, откидываясь назад и беря в руки стакан. – Вы сейчас просто думаете вслух или вполне сознательно за минуту наговорили мне столько комплиментов?

Не в бровь, а в глаз. Действительно, он прав, получилась грубая, откровенная, тяжеловесная лесть, а она и не заметила. Увлечшись спором, она словно забыла, с чего этот спор начался и кому она так горячо излагает свою точку зрения.

– А Вы считали бы эти комплименты заслуженными? – кое-как отбилась она.

А ведь нечасто ей доводилось видеть, чтобы человек выслушивал дифирамбы в свой адрес с саркастической усмешкой. Пожалуй, что и вовсе никогда не доводилось. С осторожностью – да, сколько угодно. А вот чтобы так: иронизировать над собеседником, который разливается соловьем в твой адрес...

Лишь много позже Ксения поняла причину его недоверия: он был очень строг к себе и потому скептически относился к похвалам.

– Справедливо, – согласился он. – Медик – понятие расплывчатое. Вполне может статься, что я мелкий лаборант: перебираю бумажки, пациентов совсем не вижу и ничем Вашего уважения не заслуживаю, поскольку никакой героической романтикой моя работа и не пахнет.

– О, нет, – протянула Ксения. – Я уверена, Вы не можете быть кем-то мелким и незначительным.

– Разве? – спросил он, иронично приподняв бровь, почти с издевкой.

– Это уж точно не комплимент, – поспешно уточнила Ксения: намек насчет «героической романтики» она отлично уловила. Ее уважение к людям, способным на стоящие дела, он ухитрился вывернуть в экзальтированное поклонение «героям», простительное в семнадцать лет, но смешное и инфантильное для женщины ее возраста.

– Просто... ведь почти всегда можно сразу понять, что именно человек из себя представляет. Одежда, речь, манеры... ну, все это. Так что не говорите мне, что Вы какой-нибудь бумажный червь, не поверю.

– Что ж, отдаю должное Вашей проницательности, – признал Михаил, не вдаваясь в подробности относительно своего статуса. – Она Вас никогда не подводит?

– Бывает иногда, – улыбнулась она. Какая уж тут проницательность, обычные женские игры. Впрочем, ни слова неправды сказано не было, он и в самом деле выглядит весьма представительно. И весьма привлекательно. Недаром же вон та симпатичная блондинка в короткой юбке то и дело поглядывает на них обоих. – Бывает, но редко. Обычно никчемных, скучных людей я распознаю безошибочно и легко избегаю.

Да замолчи ты, одернула она себя. Что за неуклюжесть? Прешь, как танк на баррикады. Наверное, со стороны это выглядит ужасно нелепо, вон как он веселится.

– Что ж, благодарю, видимо, мне следует чувствовать себя польщенным, коль уж Вы не торопитесь от меня отделаться. – Он и в самом деле откровенно забавлялся ее смущением.

– Не слишком обольщайтесь. Возможно, я просто хорошо воспитана, – она сгладила грубость почти игривым тоном.

Он поднес к губам стакан, сделал неторопливый глоток и спросил:

– Может, перейдем на ты, не против?

– Нет, конечно, не против.

После таких прямолинейных комплиментов жеманничать было бы просто глупо. Да и не имело смысла в этой неформальной обстановке. А как будем разговаривать потом, в его кабинете – над этим вопросом можно и позже голову поломать.

Ситуация катилась по какому-то своему неведомому пути. Она-то рассчитывала, что просто проведет некоторое время в компании мужчин, слушая их общие истории, не вмешиваясь в разговор и наслаждаясь его присутствием. И этих воспоминаний ей хватит на долгие-долгие вечера. А выходило черт те что. За несколько минут она уже так завралась, что не выпутаться. Надо было представиться сразу, но ведь тогда этих чудесных минут и вовсе не случилось бы. После ухода Славы он неизбежно бы перешел на тему ее здоровья, говорил бы с ней не как с девушкой, а как доктор с пациенткой. Гаже этого трудно и представить.

А вместо этого они разговаривали. О каких-то неважных вещах, она потом даже не могла вспомнить. Важно, как они разговаривали. На грани. На тонкой, неуловимой границе флирта. Если попытаться пересказать происходящее словами, получится ничего не значащая картина. Но эти переливающиеся оттенки... Быстрый взгляд, только одним мгновением отличающийся

от обычной внимательности, неуловимое изменение интонации, жест, проникающий чуточку дальше, чем предписывает этикет...

– Ну, а теперь ты Расскажи мне что-нибудь о себе, – попросил он.

– А я как раз из племени офисного планктона, – она неопределенно пожала плечами. – Юрист в конторе «Рога и копыта». Правовое обеспечение деятельности организации, – продекламировала она и пояснила: – Договора, условия, взаимные претензии, правовые кодексы и прочее.

– Наверное, это тоже очень интересно и требует наличия ума, – вежливо заметил он. – Думаю, твоя профессия в известном смысле посложнее моей, – увидев вопросительный наклон головы, он пояснил: – по крайней мере, человеческая анатомия меняется не так быстро, как российские законы.

– Ой, не наступайте на любимую мозоль, очень Вас прошу! – воскликнула Ксения, смеясь. – Это настолько болезненное место, Вы и не представляете!

– Мы вроде на ты, – напомнил он.

– Конечно. Это я по привычке, машинально, – Ксения замолчала, чтобы не ляпнуть еще какую-нибудь несуразность. Все-таки лгуныя она была совершенно бездарная.

Образовалась пауза. Он рассеянно поглядывал краем глаза на веселящихся людей и думал о чем-то своем. Ксения не нарушала тишины между ними, ей было вполне достаточно изредка пересекающихся взглядов и намек на улыбку. Контакт сохранялся, говорить было необязательно. Она сидела, расслабившись, носком туфельки тихонько отбивая по перекладине стула ритм накрывающей их музыки и наблюдая за мельтешением цветных пятен по стенам. Она совершенно потеряла чувство времени.

Из этого умиротворенного состояния ее вывело ощущение пристального внимания. Бывает иногда – бессознательный импульс заставляет вдруг обернуться, вскинешь глаза – и наткнешься на чей-то взгляд. Может, и есть доля правды в теориях о телепатии.

Однако в данном случае не нужно было быть телепатом, чтобы понять, в чем дело. Та белокурая девушка. Сейчас она уже уставилась на Михаила, но Ксения успела почувствовать обращенную к ней неприязнь. Понятно. Где ж ты раньше была, милая... Она пошевелилась, меняя положение тела, и этим вывела Михаила из задумчивости.

– Извини, задумался, работу из головы никак не вытряхну, – он подкрепил извинение улыбкой, на этот раз полноценной.

– Ничего, я так и поняла. День, похоже, выдался суматошный, да и дома еще не был?

– Это тебе твоя безошибочная интуиция подсказывает? – пошутил Михаил.

– Нет, просто логика. – Она провела кончиком розового ногтя по его щеке, холодея от собственной наглости. Остановись, дурочка, что ж ты творишь... Но грохочущий состав уже сорвался с рельс в пропасть, неумолимо увлекая ее за собой. А еще было смутное желание просигнализировать блондинке – тебе ловить тут нечего.

Как ни странно, Михаил принял интимный жест как нечто естественное.

– А, это, – он потер подбородок. – Да, не успел. Времени не было. Что, сильно неряшливо?

– По мне так вполне нормально, – успокоила Ксения.

– Терпеть не могу выглядеть неаккуратно.

– Это заметно по всему остальному. Поэтому я не сомневаюсь, что утром ты тщательно брился, это не трехдневная щетина. Ты же брюнет, у тебя она быстрее становится заметна.

– В том-то и беда, – вздохнул он.

– А тебе даже идет, – скокетничала она. Пропадать, так пропадать.

– Я вижу свободный стол, – сменил он тему, кивая в сторону бильярдного зала. – Не хочешь партию?

Конечно, она хотела. Она хотела все, что он мог бы предложить. Но...

– Я даже не помню, когда в последний раз играла, – извиняющимся тоном сказала она.

– Ничего, опыт не пропьешь.

– Ты в этом уверен? – Ксения нарочито внимательно заглянула в свой стакан. Кстати, уже почти пустой. Когда это она успела? Опьянения почти не чувствовалось, нервы съедали все градусы, но она знала, что это обманчивое ощущение – не заметишь, как внезапно развезет, поэтому решила притормозить, пока предыдущая порция не выветрится.

Он рассмеялся, глядя на ее пантомиму со стаканом:

– Я же не предлагаю ставки делать. Пойдем, пока стол не заняли.

С началом партии разговор снова сошел на нет. Они кружили вокруг зеленого сукна как старые знакомые, не нуждающиеся в вежливых репликах. Ксения сосредоточилась на процессе, он не мешал, только иногда напоминал правила, если она сомневалась, что помнит какое-либо из них верно. На пятом ходу, когда она нацелилась на понравившийся шар, он остановил ее:

– Подожди, ты разве не видишь, что это неправильно? Зачем тебе простой удар, если вон там выгодная комбинация, посмотри сама.

– Да я вижу, но не думаю, что смогу правильно ее разыграть.

– Давай сжульничаем, – с этими словами он обошел стол, накрыл ее ладони своими и точным движением направил кий. Конечно, для этого ему пришлось в буквальном смысле обнять ее... ничего особенного, такая уж это игра. Она снова подумала о том, как контрастно выглядит его поведение в разных ролях.

Интересно, какой из них настоящий? Тот, который расслабился под воздействием алкоголя и хорошей компании? Или этот, который намеренно загоняет себя в жесткие рамки в рабочее время?

– Вот так, видишь?

Она кивнула, не видя ровным счетом ничего. Ее полностью захлестнуло исходящее от него тепло, ощущение близости его тела окутало ее коконом.

– Давай.

Деревянный дробный стук, шары разлетелись, Михаил выпрямился, оценивая результат.

– Не совсем то, нужно было бить чуть сильнее, но все-таки моя задача теперь усложнилась, – резюмировал он.

– А я предупреждала, что не очень интересный соперник, – ответила Ксения, делая усилие, чтобы голос не выдавал ее волнения.

Она так и не узнала, собирался ли он возразить, потому что им помешали.

Та самая яркая блондинка, которую Ксения заметила еще у барной стойки, выскользнула из толпы танцующих и решительным шагом направилась к ним. Платиновые кудри стеются роскошной гривой, мини юбка трещит по швам на аппетитных формах, верхняя пуговица на блузке провокационно растегнута. Нет, все, что нужно, должным образом прикрыто, но мужской взгляд потянет как магнитом, чтобы в этом убедиться.

– Привет, дорогой, – пропела она, буквально падая Михаилу в руки и без лишних церемоний прижимаясь к нему своим внушительным бюстом.

Ксения ревниво наблюдала за этой сценой. Ее глаза, как объектив, скупулесно регистрировали детали. Она заметила, что Михаил, отвечая на объятия девицы, только слегка прикоснулся к ее спине легким движением, но руки так и не отнял.

– Я видела тебя с друзьями там, – девушка махнула рукой в сторону танцпола, не торопясь отстраняться. – Думала, что ты уже ушел.

Рассказывай, думала ты, конечно. Я-то прекрасно видела, что ты глаз с него неводишь. Оказывается, это не простой интерес, вы знакомы, но ты почему-то не спешила. Надоело ждать, пока я отвяжусь, решила мне помочь?

– А это твоя новая подружка? – спросила девушка, соизволяя заметить Ксению.

Ответить он не успел. Ксения сделала это сама, четко и холодно проговорив:

– Это – не новая подружка, а новая знакомая.

Она терпеть не могла, когда о ней говорили, как о неодушевленном предмете. В конце концов, это просто невоспитанно – говорить о присутствующем человеке в третьем лице.

– Ксения, – добавил Михаил, стараясь сгладить взаимную грубость девушек.

– Я Роза, – бросила блондинка, не удостаивая Ксению взглядом. Ха, ну еще бы... роза, надо полагать, голландская, иначе откуда бы столько самоуверенной спеси. Между тем сексуальная блондинка скользнула по вороту его рубашки, и продолжила игриво: – Не хочешь посидеть, поговорить, вспомнить былое? Давненько мы не виделись, я скучала. Ты все время был занят, я не хотела мешать.

Он и сейчас занят, ты, крашенная кукла, кипела Ксения. Впрочем, она прекрасно понимала намек: друзья друзьями, а вот она сама занятие вовсе не увлекательное, можно бросить в любой момент. Да, может быть, так оно и есть. А, может быть, ее намеренно провоцируют, вынуждая в негодовании удалиться. В этом случае она не только освободит дорогу, но еще и останется униженной, компенсируя девице моральные страдания. Как хорошо, что статус случайной знакомой позволяет ей не обижаться.

– Для начала я хочу закончить партию, – ответил Михаил. Ответил в своей лучшей манере опытного управленца: мягко, но решительно пресекая возможные возражения.

Нейтральный ответ Роза предпочла истолковать как утвердительный. Ей хватило сообразительности не настаивать.

– Конечно, давай доигрывай, я тебя подожду, – с энтузиазмом согласилась она, по-прежнему игнорируя Ксению. Она чмокнула его в щеку (нет, ну вы посмотрите!) и куда-то убежала.

Михаил кивнул в сторону стола, приглашая продолжать. Кажется, он и не заметил, как она огорчена. Именно этого ей и хотелось больше всего.

– Сейчас твой ход, – ровным голосом напомнила Ксения. – Может, не стоит, Бог с ней, с этой игрой? – легко предложила она, всем своим видом изображая незаинтересованность.

– Это почему еще? – удивленно поднял голову Михаил. Он уже изучал расположение шаров.

– Ну... проявляя вежливость ко мне, ты заставляешь ждать близкую подругу. Любезно с твоей стороны, но необязательно, – мило улыбаясь, пояснила Ксения. Она не любила двусмысленных ситуаций.

Ясно же, что эта пиявка так просто не отстанет. И тут у Ксении выбор был невелик: либо легко расстаться, согласно роли случайной знакомой, либо играть в открытую. А выдержит ли она конкуренцию с этой красоткой, знакомой с ним давно и, судя по всему, очень коротко? Вот именно, весьма спорный вопрос.

– Какая ты деликатная, однако. Между прочим, я заметил эту близкую подругу, как только она вошла, – негромко обронил он, намечая удар.

Ксения ответила ничего не значащей вежливой улыбкой, стараясь подавить преждевременную радость.

Партия была почти разыграна, россыпь шаров поредела, началась серия холостых ударов. Ксения неуверенно оглядывала поле.

– Тебе нужен вон тот шар, – снова подсказал Михаил.

– Ты прав.

Она обошла стол: траектория была неудобная, как ни встань, все равно в лузу не попасть. Она примерялась и так и эдак, но в любом случае выходило, что промахнется.

– Да что ты мучаешься, – не выдержал Михаил. – Садись, если тебе так удобно. Это же допустимо.

Легко сказать – садись. Ей пришлось практически лечь на сукно, опираясь на поврежденную руку. Хорошо хоть, что она в брюках.

Зато удар вышел удачный, и шар исчез в лузе. Едва она выпрямилась, Михаил снова пришел на помощь. Наверняка без всякой задней мысли, из чистого мужского воспитания. Он просто подхватил ее и поставил на ноги, на миг прижав к себе. По правилам, игрок может на столе хоть ужом свиваться, но при условии, что одна подошва твердо стоит на полу. Так что помощь в принятии горизонтального положения ей вроде бы не требовалась.

– Спасибо, но тебе этого не простят, – заметила Ксения, поглядывая ему через плечо и мстительно не делая попытки шагнуть в сторону. За его спиной за столиком сидела Роза и внимательно наблюдала за игрой.

Столы в этом зале не были сервированы, но Роза не теряла времени даром и притащила бутылку, стаканы, пару тарелок с какими-то нарезками.

– Ну, надо же, какая хозяйственная, – пробормотала Ксения, отворачиваясь.

Он оглянулся, увидел накрытый стол и усмехнулся. Роза приглашающе помахала ему и он кивнул.

– Придется уделить ей время, ничего не поделаешь, – сказал он. – Я вижу, что она тебе не слишком нравится, но, в общем-то, она ничего. Правда, бесцеремонная, – добавил он, улыбаясь.

– Она ясно дает понять, что один из нас тут лишний. Я ей тоже не слишком нравлюсь.

– Ты о чем?

– Сам посмотри. Только два бокала. Прозрачный намек, что мне пора убраться с горизонта.

– А ты сама-то чего хочешь? – небрежно спросил он.

Она пожала плечами, стараясь сохранять спокойствие.

– Мне было с тобой интересно, но я не хочу конфликтовать и влезать в ваши отношения, – дипломатично ответила она, видя, что Роза поднимается с места. Пора прощаться?

– Тогда, если не возражаешь, я сделаю вид, что не понимаю прозрачных намеков, – тихо сказал он, загоня последний шар.

– Ты закончил? – Девушка подошла к Михаилу и взяла его под руку жестом собственности. – Я уж заждаюсь.

– Ты что-то сегодня рассеянная, милая. – Он непринужденно приобнял обеих девушек. – Садитесь, девочки, я сейчас вернусь.

Ксения не двинулась с места. Она старалась понять, какие у него мотивы. Он не хочет прощаться с ней или всего лишь не хочет сдаваться этой напористой девице и использует ее как щит? Сам же дал понять, что не слишком рад этой Розочке. Может, недаром так решительно вцепился в нее, когда Марина увела Славу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.